

Н. Ю. ГРАББЕ, Л. Б. ТЕМНИКОВА

К ОБЩЕЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ РАЗНОСТИЛЬНОСТИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ С. МОЭМА

На материале публицистических текстов Сомерсета Моэма авторы статьи рассматривают понятие, подвиды и специфические аспекты разностильности.

Ключевые слова: разностильность, динамика, межстилевые, книжные, разговорные элементы, подвид.

Разностильность принято трактовать как соединение в одном цельном пространстве (фрагменте, тексте, целом произведении) компонентов, принадлежащих к разным функциональным стилям. Она коррелирует со стилистической однородностью.

В своем подходе к данному явлению мы опираемся на концепцию М. Н. Кожинной [1], но считаем нужным оговорить широкое понимание категории «разностильность»: она объединяет явления лексической и грамматической подсистем.

Так, у С. Моэма (эссе «Искусство слова») в фразе «Виртуозность Чехова не бросается в глаза, и может показаться, что эти рассказы написал бы каждый, **вот только никто так не пишет – и это факт** <...> Именно он откроет <...> загадку России» [2] выделенная конструкция несет на себе отпечаток разговорного синтаксиса, а ее ближайший – внутренний – контекст определяется как межстилевой, за счет чего и возникает разностильность, способствующая динамике восприятия смыслов.

Закономерный характер разностильности, динамика, создаваемая соотношением разноплановых (межстилевых, книжных, разговорных) элементов все чаще отмечается современными исследователями публицистических текстов. Подчеркнем, что подобный эффект получил объяснение с различных сторон, на различном материале и закреплён современными подходами к норме, сочетающими критерии строгости / динамичности [3].

В результате проделанного нами анализа материала в двух основных аспектах (выявление характерных для С. Моэма видов разностильных соединений; их объяснение с точки зрения закономерностей эссеистского текста) удалось установить наличие видов и достаточно типичных для английского художественного и публицистического дискурса, и глубоко специфичных (авторских), мало свойственных другим мастерам слова.

Анализ разностильности в указанных нами аспектах предполагает и ее связь с более общими характеристиками публицистического текста. Для Сомерсета Моэма органично соотношение разностильных элементов с интеллектуально-деятельностным аспектом публицистики и, соответственно, с регулятивами как специфическими средствами публицистики.

Мы считаем характерными три известных подвида соединений.

Первый, наиболее элементарный, – столкновение межстилевого и сниженного, разговорного

компонентов. Причем динамичность совмещена с характеристикой изменчивости в духовной сфере – перемен восприятия. Например, употребление уменьшительно-пренебрежительной формы от слова «роман» в следующей характеристике романа Джейн Остин: «“Эмма” – единственный роман, который кажется мне растянутым. Не могу я проникнуться интересом к **романчику** Фрэнка Черчилля; и хотя мисс Бейтс бесконечно забавна, не досталось ли нам ее слишком много? Героиня – сноб, и ее манера покровительствовать тем, кого она считает социально ниже себя, отвратительна. Но ругать за это мисс Остен (такое написание фамилии принято в книге: Моэм У. С. Подводя итоги. М, 2005. – Н. Г., Л. Т.) нельзя: следует понять, что мы сегодня читаем не тот же роман, какой читали люди ее дней. Изменения в обычаях и нравах вызвали изменения и в нашем мировоззрении; в некоторых вопросах мы теперь судим не так широко, как наши предки, в других – более либерально; позиция, которая сто лет назад была самой обычной, теперь заставляет ёжиться от неловкости» [4]. Подчеркнем, что указанное соединение характерно для стиля публицистического познания самого Сомерсета Моэма.

Приведем пример из фрагмента, в котором это соединение обусловлено составом объекта: «Даже в “Здравом смысле и чувствительности” и в “Нортенгерском аббатстве”, где есть к чему **придаться**, есть больше такого, что радует. Из остальных романов каждый имеет своих преданных, чуть не фанатичных поклонников. Маколей считал ее величайшим достижением “Мэнсфилд-Парк”, другие читатели, столь же прославленные, предпочли “Эмму”. Дизраэли прочел “Гордость и предубеждение” семнадцать раз. В наши дни самым законченным ее произведением принято считать “Доводы рассудка”. Большая часть читателей, видимо, уделила место шедевру “Гордость и предубеждение”, и в этом вопросе, мне кажется, можно принять их мнение. Классической книга становится не потому, что ее хвалят критики, разбирают профессора и проходят в школе, а потому, что большие массы читателей из поколения в поколение получают, читая ее, удовольствие и духовную пользу» (с. 480).

Второй подвид – соединение сугубо книжного и межстилевого – встречается реже. Примечателен следующий текст, в котором книжная лексика появляется при характеристике разговорности: «Джейн Остин не была крупным стилистом, но

она писала ясно, без **аффектации**. Мне кажется, что в построении ее предложений можно усмотреть влияние доктора Джонсона. Есть у нее **тенденция** употреблять слова латинского происхождения, а не простые, английские. Это придает ее фразе некоторую книжность, отнюдь не противную; мало того, часто прибавляет остроумному замечанию остроты, а лукавству – псевдоцеломудренной прелести. Диалог ее, полагаю, естественен в такой мере, в какой он мог быть по тем временам» (с. 485).

Третий подвид соединения разностильных элементов носит комплексный характер: в контекстах совмещены межстилевые, разговорные и книжные компоненты: «У Мисс Остен был острый **язычок** и редкостное чувство юмора. Она любила смеяться и смешить. Ждать от юмориста, чтобы он (или она) не высказал того, что думает, – значит требовать от него слишком многого. И, видит Бог, трудно быть смешным, не позволяя себе время от времени немножко озорного лукавства. “**Млеко** человеческой доброты” не такая уж веселая материя. Джейн безошибочно улавливала в людях глупость, претензии, аффектированность и неискренность, и к ее чести нужно сказать, что все это скорее веселило ее, а не вызвало досаду» (с. 500).

Ядром разностильности (в другом понимании – ее носителем) оказывается компонент с наибольшей выраженной дифференцирующей ролью. Для материала это обычно единица, стилистически маркированная (высокая / книжная или сниженная) в окружении межстилевых. В аспекте стилистической динамики именно такой элемент выступает как регулятив стилистического движения текста. Так, в приведенном примере регулятивами служат **язычок** и **млеко**.

В третьем подвиде динамике способствует последовательность компонентов, которая нацелена на то, чтобы сохранить интерес, повышенное внимание читателя и в сжатом (первая разновидность разностильности), и в относительно протяженном текстовом пространстве (вторая разновидность).

Относительно специфических (авторских) аспектов разностильности считаем важным отметить также два основных момента.

Первое. Текстам С. Моэма свойственно взаимопроникновение позитивного / сниженного оттенков. Ироничность, пронизывающая его стиль, проявляется и в этом. Выделенное в следующем

фрагменте сочетание реализует именно такого рода оценочно-стилистическую динамику: «Никто не назвал бы Джейн Остен синим чулком, этот тип не внушал ей симпатии, но совершенно ясно, что она отнюдь не была лишена культурности. Знала она не меньше, чем любая женщина ее времени и ее круга. Доктор Чапмен, **великий авторитет** по ее романам, составил список книг, которые она безусловно читала. Это интересный список. Конечно, она читала романы, – романы Фанни Берни. Интересовала ее не только беллетристика. Она хорошо знала Шекспира, а из своих современников – Скотта и Байрона, но любимым ее поэтом был, видимо, Купер» (с. 490). В словосочетании «великий авторитет» реализуется рационально-позитивная характеристика, что подтверждается и его совместимостью с межстилевыми компонентами контекста.

Второе – возможность двойной функции соответствующего элемента (направленность на информационную и на этическую сферу). Так, разговорный элемент «развеселый», организуя однородный ряд, обеспечивает стилистическую совместимость этически контрастных единиц «бессовестный» и «чудесный»: «О книгах, которые мы читаем, мы судим по нашим предвзятым взглядам и по нашим нормам поведения. Это несправедливо, но неизбежно. В Мэнсфильд-Парке герой и героиня, Фанни и Эдмунд, невыносимые ханжи, и все мое сочувствие достается **бессовестным, развеселым и чудесным** Генри и Мэри Кроффордам» (с. 501).

Подчеркнем характерную для Сомерсета Моэма разговорность стиля как объекта и как средства публицистического познания. Подобное двуединство само по себе создает такие условия динамики, которые мастер слова реализует посредством специфической разностильности.

Литература

1. Кожина М. Н. Речевой жанр и речевой аспект (некоторые аспекты проблемы) // Жанры речи. Саратов, 1999. С. 25.
2. Моэм У. С. Избранное. М., 2000. С. 100–120.
3. Радбиль Т. Б. Норма и аномалия в парадигме «реальность – текст» // Филологические науки. 2005. № 1. С. 30–33.
4. Моэм У. С. Подводя итоги. М, 2005. Далее тексты публицистики С. Моэма цитируются по этому изданию, в скобках указываются страницы.

N. YU. GRABBE, L. B. TEMNIKOVA. ABOUT GENERAL CHARACTERISTICS OF DIFFERENT STYLES IN S. MAUGHAM'S PUBLICISTIC TEXTS

Using S. Maugham's publicistic texts the authors of the article consider the notion, subtypes and specific aspects of different styles.

Key words: different styles, dynamics; interstyle, bookish and colloquial elements, subtype.

